

Место прослушивания было обставлено просто: одинокий фонарный столб, рядом стояла скамейка. Все выглядело, как ночная картинка, в каком-нибудь сообществе.

Директор по кастингу спросил: "Ю Янь, ты готов?"

Ю Янь оглядел зрителей в комнате и намеренно отошел за скамью: "Все хорошо."

Сказано было очень легко, уверенно.

Цзянь Цзинчжао почувствовал спокойную ауру Ю Яня и выпрямился, ожидая следующей интерпретации сценария для прослушивания.

Глухой звук□

Обслуживающим персоналом осветительные лампы на потолке были мгновенно выключены. Как и на предыдущих девяти прослушиваниях, на сцене остались только тусклое освещение и свет от уличного фонаря.

Ю Янь был одет в черное и почти сливался с окружающей темнотой.

"...Прослушивание 10-й номер. Начали!"

При звуке приказа Вэнь Чао камеры в трех положениях были активированы одновременно!

Да-да-да....

Трение подошв о землю звучало в темноте, и легкий равномерный звук проникал в барабанные перепонки и отдавался в сердцах.

Многие люди, находившиеся в зрительном зале, были встревожены шорохом шагов, и их глаза были прикованы к источнику звука.

Вскоре после этого в кадре появился Фань Цзин, которого играл Ю Янь. Он медленно прошел под уличным фонарем, и прямой свет превратил тень Ю Яня в не большое темное пятно.

В отличие от его высокой фигуры, окружающее пространство, казалось тесным.

Глаза Вэнь Чаошэна загорелись, он повернул голову и прошептал: "Цзинь Чжао, твой новичок очень хорош."

“.....”

Его новичок?

Цзянь Цзинчжао был поражен этим заявлением и слабо улыбнулся.

Он, естественно, понимал, что означала похвала Вэнь Чаошэна. Для этого режиссера, любимым занятием в будние дни было искусство света и тени на камеру.

Декорации сцены выглядели просто, но уличный фонарь, скамейка и даже расположение камер были тщательно продуманы.

Все без исключения первые девять актеров предпочли сидеть на скамейки, подготовленной съемочной группой. Ю Янь выбрал отличную позицию под фонарем на этом прослушивании.

Благодаря этому он многое выиграл.

Вскоре Ю Янь достал из кармана пачку сигарет, достал одну и сунул ее в рот.

“Крэк”, пламя зажигалки прыгнуло в глаза, на мгновение осветив его лицо.

Его набор движений был аккуратен и плавен, и нетрудно было заметить, что Фан Цзин - ветеран, который часто курит.

Ю Янь курил не спеша, он слегка приподнял подбородок, его взгляд переместился снизу вверх, и он начал считать “Один, два, три...”

Его рука с сигаретой постепенно поднималась: “Четыре, пять, шесть...”

Легким движением пальцев дымка от сигаретного дыма медленно рассеялась в воздухе, ее беспорядочная форма была настолько красивой, что казалась произведением искусства.

“Семь.....”

Взгляд Ю Яня стал неподвижен, он перестал курить сигарету, а затем небрежно выплюнул дым: “Седьмой этаж.”

Свет проходил сквозь туманную пелену, освещая съемочную площадку.

Жажда убийства, наконец, мало-помалу проявилась в этих, казалось бы, спокойных глазах, и

температура вокруг этого человека мало-помалу понизилась.

Очевидно, он ничего не сказал, но его действия заставили людей в зале почувствовать резкое похолодание под покровом спокойствия.

Сигарета быстро догорела до конца.

Ю Янь, не колеблясь, потушил ее прямо пальцами, и с силой раздавил ее. Казалось, он не почувствовал жгучей боли и медленно усмехнулся.

“Послушай, я нашел тебя.”

Эти простые слова мгновенно заставили окружающих задрожать.

Оператор, который управлял ведущей камерой, был настолько одурочен его мрачным взглядом, что сделал шаг назад и вдохнул прохладный воздух: “Хисс, я поражен!”

Этот Фань Цзин прекрасно давал понять, что собирается кого-то убить!

Когда Цзянь Цзинчжао услышал подсознательную оценку оператора, уголки его губ слегка дрогнули, и он взял на себя инициативу заменить Вэнь Чао, сказав: “Снято, всем спасибо”.

“.....”

Ю Янь, который все еще был погружен в игру, недовольно нахмурился и холодно посмотрел в зал, словно взмахнул ножом.

Цзянь Цзинчжао встретил его чрезмерно самонадеянный взгляд, он его позабавил, и он рассмеялся: “Ты настолько свиреп?”

Только тогда Ю Янь понял, что уставился на того, на кого ему не следовало пялиться. Он быстро убрал свою неприкрытую враждебность, и выражение его лица стало послушным.

“Учитель Цзянь, мне очень жаль.”

Цзянь Цзинчжао не рассердился, но искоса посмотрел на Вэнь Чаошэна: “Вэнь Дао, что ты думаешь?”

Вэнь Чаошэн поправил очки, демонстрируя волнение: “Что ж, персонаж раскрыт довольно подробно.”

Безумие и безжалостность Фань Цзина - это его темная сторона, которая глубоко скрыта и обычно никогда и нигде не проявляется. Единственным спусковым механизмом мог быть только его брат Яо И.

По его мнению, любой, кто попытается причинить вред его брату, должен исчезнуть из этого мира!

По реальному сюжету сценария, хотя у Фань Цзина в этой сцене не было разоблачающих его темную сторону слов и поступков, в глубине души он уже был готов убить человека, чтобы спасти своего брата!

Не было никакого насилия, никакой истерии, ужасающее намерение убить было создано из-за искажения дыма.

Именно такой образ младшего брата хотел увидеть режиссер. Это цвет фона души Фань Цзина!

Чем больше Вэнь Чаошэн думал об этом, тем более удовлетворенным он становился: "Директор Чэнь, что вы думаете?"

Директор по кастингу медленно оторвался от монитора и дернул кадыком: "Да, это довольно хорошо".

Первоначально он думал, что игра Ци Чжоу была очень хорошей, но по сравнению с этим игра Ю Яня была, очевидно, еще лучше. Это даже не выглядело так, будто он играл.

Директор по кастингу искренне порадовался: "Учитель Цзянь, где ваша компания нашла такие хорошие саженцы?"

Сначала был Ци Чжоу, потом был Ю Янь.

В юном возрасте пластичность актерского мастерства очень сильна.

Цзянь Цзинчжао слегка улыбнулся и намеренно больше ничего не сказал в защиту Ю Яня, понимая, что тот сам себя прекрасно показал.

Честно говоря, это первый раз, когда он наблюдал за игрой Ю Яня вживую. Даже если это всего несколько минут, он все равно чувствовал неограниченный потенциал этого молодого человека, как актера.

Вэнь Чаошэн скорее всего уже выбрал Ю Яня в качестве одного из главных героев, все же выступление последнего было вне конкуренции.

Внезапно стоявший сбоку Вэнь Чаошэн сказал: “Цзиньчжао, у меня есть одна идея.”

Цзянь Цзинчжао искоса взглянул на него: “Какая?”

Взгляд Вэнь Чаошэна блуждал взад-вперед по его лицу и телу Ю Яня: “Я хочу добавить ещё одну сцену для прослушивания. Ю Янь продолжает играть Фан Цзина. Что касается роли его брата Яо И, ты можешь помочь ему на сцене?”

“.....”

“.....”

Добавить сцену для прослушивания?

Глаза Цзянь Цзинчжао слегка блеснули, и он посмотрел на Ю Яня, который тоже был удивлен.

Поскольку Вэнь Чаошэн взял на себя инициативу предложил подобное, подтекст очевиден - он уже выбрал Ю Яня, но ему все равно нужно было попробовать сцену из двух человек, чтобы прийти к окончательному решению.

Небо и земля большие, но режиссер - здесь бог.

Как киноинвестор и продюсер, Цзянь Цзинчжао согласился на эту небольшую просьбу: “Я готов.”

Вэнь Чаошэн посмотрел на Ю Яня: “А как насчет тебя?”

Поскольку он был одним из новичков, который еще не дебютировал, он, возможно, должен был хоть немного паниковать.

Но Ю Янь не испытывал ни малейшего страха сцены, и его ответ был простым и быстрым: “Хорошо, что я могу сыграть с Учителем Цзянь. Я очень рад. Я даже не мог просить об этом”.

Цзянь Цзинчжао увидел, что он действительно с нетерпением ждет этого, и спросил со смешком: “Директор Вэнь, что мы должны вдвоем сыграть? Есть ли сценарий?”

“Конечно, есть!”

Вэнь Чаошэн жестом попросил ассистента в заднем ряду принести его черный рюкзак и сказал: “В дополнение к сценарию, у меня даже есть реквизит для этой сцены!”

Он с самого начала планировал второе дополнительное прослушивание для понравившихся кандидатов, чтобы выбрать лучшего. Но после всего сегодняшнего прослушивания только Ю Янь оправдал его ожидания.

<http://bllate.org/book/13891/1224494>